

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>
EDN: LAEQLW

Научная статья / Research article

Трансформация традиционного природопользования на Русском Севере в 1900-е – начале 1930-х гг.: по материалам Архангельского общества краеведения

Татьяна Павловна Тетеревлева ^a✉, Елена Евгеньевна Шурупова ^b

^aСеверный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

^bСоловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник,
поселок Соловецкий, Россия

t.teterleva@narfu.ru

Аннотация: Исследуются основные направления традиционной хозяйственно-экономической деятельности населения Русского Севера и попытки ее модернизации в 1920-е – начале 1930-х гг. Целью исследования стало выявление характера трансформации традиционного природопользования в условиях нового этапа промышленного освоения Севера. Источниковую базу исследования составляют архивные материалы Архангельского общества краеведения, документы региональных органов власти и местная периодическая печать. Охарактеризованы традиционные способы жизнеобеспечения населения Архангельского Севера в начале XX в., отмечено определяющее влияние водных и лесных промыслов на социально-экономическое развитие региона. Анализируется деятельность краеведческих обществ, которые сыграли важную роль в изучении хозяйства региона и выработке мер по развитию традиционных промыслов. Тяжелое экономическое положение после Гражданской войны определило интерес новой власти и экспертного сообщества к традиционным занятиям населения, которые рассматривались как ресурс для выхода из продовольственного кризиса, восстановления и развития промышленности. Ключевыми направлениями модернизации традиционных промыслов стали их техническое и технологическое переоснащение, а также кооперирование промысловиков. Делается вывод, что приоритетной поддержкой пользовались промыслы, имевшие связь с промышленным производством (лесохимическая и рыбная промышленность). Предпринимались попытки внедрения в качестве промысловых занятий новых видов деятельности (заготовки водорослей для йодного производства). Развернувшийся на рубеже 1920-х – 1930-х гг. процесс коллективизации в условиях перехода к плановой экономике фактически означал конец экономической самодеятельности и самобытности промыслового населения Русского Севера.

Ключевые слова: традиции жизнеобеспечения, промышленное освоение Севера, краеведческое движение, Архангельская губерния, Арктическая зона, приарктическая территория

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е. Трансформация традиционного природопользования на Русском Севере в 1900-е – начале 1930-х гг.: по материалам Архангельского общества краеведения // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 528–546. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>

© Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Transformation of Traditional Natural Resource Management in the Russian North in 1900s – Early 1930s: Based on Materials of Arkhangelsk Society of Local History

Tatiana P. Teterevleva ^a , Elena E. Shurupova ^b

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

^b State Museum-reserve «Solovsky», Solovetsky settlement, Russia

 t.teterevleva@narfu.ru

Abstract: The authors examine the main directions of research on the traditional economic activities of the population of the Russian North and attempts of their modernization in the 1920s – early 1930s. The aim of the study is to identify the nature of the transformation of traditional resource use amid a new stage of industrial development in the North. The research is based on archival materials from the Arkhangelsk Society of Regional Studies, documents of regional authorities, and local periodicals. The traditional means of livelihood for the population of Arkhangelsk Province in early 20th century are briefly characterized, highlighting the significant impact of aquatic and forest resources on the socio-economic development of the region. The activities of the societies for regional studies, which played an important role in studying the region's economy and developing measures for the growth of traditional industries, are analyzed. The difficult economic situation after the Civil War sparked interest among the new authorities and the expert community in the traditional occupations of the population, seen as a resource for overcoming the food crisis, restoring and developing industry. Key areas for the modernization of traditional trades included their technical and technological re-equipment, as well as the cooperation of resource users. Trades connected to industrial production (such as the forest chemical and fishing industries) received priority support. There were attempts to introduce new types of activities as part of traditional industries, such as the harvesting of seaweed for iodine production. The process of collectivization that unfolded at the turn of the 1920s and 1930s, in the context of the transition to a planned economy, effectively marked the end of economic independence and individuality for the resource-dependent population of the Russian North.

Keywords: socioeconomic development, traditions of livelihood, industrialization of the North, regional studies movement, Arkhangelsk Province, Arctic zone, subarctic territory

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Teterevleva, T.P., Shurupova, E.E. “Transformation of Traditional Natural Resource Management in the Russian North in 1900s – Early 1930s: Based on Materials of Arkhangelsk Society of Local History.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 528–546 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>

Введение

Актуальность. Север и Арктика как территории, имеющие важнейшее стратегическое и экономическое значение, относятся к числу приоритетных для развития России в XXI в. Ключевые документы, определяющие российскую политику в этом регионе, подчеркивают важность сохранения и популяризации историко-культурного наследия, а также развития традиционных отраслей хозяйствования, народных промыслов и ремесел¹. В этом контексте изучение исторического опыта регулирования традиционного природопользования населения приарктических территорий приобретает как научную, так и практическую актуальность.

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями); Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями).

Традиционное природопользование понимается как сложившиеся в результате длительного приспособления к природно-климатическим условиям, передающиеся из поколения в поколение виды и способы использования территориальных ресурсов, хозяйственные навыки и обычаи, ориентированные на поддержание устойчивости образа жизни. В большинстве работ понятие «традиционное природопользование» применяется по отношению к коренным малочисленным народам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Однако следует согласиться с исследователями, по мнению которых оно «обладает более широким потенциалом, который превосходит цели исследования этнических особенностей»² и может использоваться для изучения особенностей культуры и хозяйственной деятельности различных локальных сообществ, в том числе старожильческого населения Сибири и Русского Севера.

В современных условиях особенно актуальны исследования тех исторических периодов, когда происходил переход от одного экономического уклада к другому. Традиционное природопользование зачастую необоснованно идеализируется в противовес индустриальному как пример гармоничного взаимодействия между хозяйствующими субъектами и природой, хотя его влияние на природу и социально-экономическую ситуацию в регионе было далеко не однозначным, что хотя бы отчасти объясняет многочисленные попытки модернизировать традиционный уклад жизни населения Русского Севера.

Степень изученности проблемы. Изучение экономики Севера и традиционных способов хозяйствования началось в XVIII в³. К рубежу XIX–XX вв. оформилось представление о преимущественно промысловом характере северного хозяйства; особая роль отводилась изучению традиционных промыслов, прежде всего морских и лесных. Уже в этот период начинает обсуждаться идея о модернизации «архаичных» промыслов, необходимости встраивания промыслового хозяйства в промышленность⁴.

В первые два десятилетия советской власти исследования региональных особенностей жизнеобеспечения были связаны с деятельностью центральных и местных народнохозяйственных органов, краеведческих обществ, научных организаций⁵. Возникшие в предшествующий период представления о «полном архаике» Севере трансформировались в официальном советском дискурсе в нарратив о «крае суровом и отсталом», который «пролетарской волей и напором» надлежало превратить в «индустриальный новый Север», что в итоге привело к отрицанию ценности традиционного природопользования как актуальной и подлежащей сохранению части историко-культурного наследия региона. В силу этого по завершению «золотого десятилетия» краеведения традиционный хозяйственный уклад жителей Севера освещался прежде всего в рамках фольклорных и историко-этнографических изысканий⁶.

² Козлова С.А. Традиционное природопользование локальных старообрядческих (семейских) сообществ Забайкалья в XVIII–XX веках: теоретико-методологическая основа исследования // Научный диалог. 2020. № 9. С. 380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-373-390> EDN: VEPAUV

³ Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785.

⁴ Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии. СПб., 1873; Спаде К.Ю. Северные рыбные промыслы и неотложные меры к их развитию. Архангельск, 1911; Данишевский И.И. Положение смолокуренного промысла в России, его значение и нужды северного смолокурения. СПб., 1913.

⁵ Северное хозяйство: Экономический журнал Архангельского губернского экономического совещания. Архангельск, 1923–1926; Смирнова М.А. Влияние краеведческого движения на развитие Русского Севера в 1917–1937 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 20–25. EDN: OHYGIF; Данилейко В.А. Научные организации 1920–1930-х гг. и их роль в изучении Севера Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 166–169. EDN: PZLOUJ

⁶ Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.

С середины 1960-х гг. важную роль в изучении социально-экономической истории Европейского Севера играли представители Вологодского проблемного объединения по аграрной истории этого региона и Северного отделения Археографической комиссии Академии наук СССР. В трудах П.А. Колесникова, В.А. Саблина и других представителей вологодской научной школы крестьяноведения уделялось внимание промысловой деятельности северного, прежде всего вологодского, крестьянства⁷.

Постсоветский период отмечен возрождением интереса к традиционным формам хозяйствования, прежде всего в контексте признания и обеспечения права на традиционное природопользование для коренных малочисленных народов в условиях перехода к рыночной экономике и реализации принятой в 1996 г. Концепции перехода РФ к устойчивому развитию⁸.

В современной России обращение к традиционным ценностям, актуализация проблем сохранения нематериального этнокультурного достояния страны способствуют активному изучению истории традиционных промыслов как неотъемлемой части культурного наследия региона⁹. Отдельно следует отметить работы, посвященные дискуссиям рубежа 1920-х – 1930-х гг. о путях развития северных территорий и об участии в них экспертно-краеведческого сообщества¹⁰.

Вместе с тем изменения в оценках характера традиционного природопользования Русского Севера, направления и способов его модернизации в первые десятилетия XX в., включая период становления советской государственности, не получили в историографии целостного освещения. Это определило цель данного исследования.

⁷ Колесников П.А. Промыслово-ремесленная деятельность северного крестьянства в XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сборник статей / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1983. С. 138–153; Долинин В.М. Промыслы сельского и городского населения Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 2. С. 53–162; Саблин В.А. Промыслы и их роль в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910-е – 1920-е годы // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда, 2007. С. 258–267. EDN: WZFXIL

⁸ Клоков С.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера: Географические и социально-экологические проблемы: Дис. ... д.г.н. М., 1998; Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53; Жукова Е.В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов как объект правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 5. С. 153–163. EDN: TXUABV; Белобородова И.Н., Шурупова Е.Е. Изучение традиций природопользования для реализации программы современного устойчивого развития Российской Федерации // Актуальные проблемы экологического образования и охраны окружающей среды. Тезисы докладов II международной научно-практической конференции. Архангельск, 1998. С. 88–89. EDN: ZBXFFR

⁹ Белобородова И.Н. Общественные инициативы по модернизации промысловой системы хозяйства Европейского Севера России (к проблеме становления гражданского общества в конце XIX – начале XX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 11–21. EDN: QBVAEH; Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX в.: Догоняющая модернизация и социальная экология. Дис. ... д.и.н. Архангельск, 2000. EDN: QDHGTD; Красовская Т.М. Природопользование Севера России. М., 2008; «Море – наше поле»: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. / Под общ. ред. Д.Л. Лайус, Ю.А. Лайус. СПб., 2010. EDN: QSUZAF; Поморские промыслы: рекомендованный библиографический список / сост. Г.Ю. Пушкирева. Ред. О.С. Ившина, В.В. Гаврилова. Архангельск, 2021.

¹⁰ Шубин С.И., Перебинос Ю.А. Европейский Север России: к вопросу о Вологодской альтернативе развития региона на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 173–180. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/21>. EDN: NCUNCM; Вячеслав Д.Д., Шевцов В.В. Томское бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в контексте регламентации краеведческой деятельности в регионе (1927–1928 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 13–19. <https://doi.org/10.17223/19988613/85/2> EDN: PBZKOP

Цель исследования – в контексте краеведческих исследований по изучению хозяйства региона и мер по модернизации традиционного природопользования населения Русского Севера в первые десятилетия XX в. определить характер трансформации традиционного природопользования в условиях нового этапа промышленного освоения северных территорий.

Источниковая база. В основу исследования положен комплекс как опубликованных, так и архивных материалов, связанных с деятельностью Архангельского общества краеведения (АОК), часть которых впервые вводится в научный оборот; документы региональных органов власти; публикации местной периодической печати. Эти документы фиксируют позиции инициативной прослойки научно-исследовательских и производственных кадров и характеризуются высокой степенью информативности для понимания официальной и экспертной оценки положения дел в северном регионе в рассматриваемый период. Для обеспечения репрезентативности выводов привлекались также издания Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) и Общества изучения Олонецкой губернии (ОИОГ).

Территориальные рамки. Следует отметить сложность определения точных границ понятия «Русский Север», его дискуссионность, несовпадение исторических, территориальных и административных рубежей. Географически к Русскому Северу можно отнести земли европейской части России, которые расположены в бассейнах рек, впадающих в моря Северного Ледовитого океана. В настоящей статье речь пойдет прежде всего о территории Архангельской губернии¹¹, контекстуально привлекаются материалы соседних северных регионов. Такой выбор территориальных рамок имеет и документальное обоснование: в частности, в Уставе Архангельского общества краеведения, документы которого, как упоминалось выше, легли в основу источниковой базы данной статьи, указано, что «под северным краем, изучению которого посвящает себя Общество, разумеется территория Архангельской губернии»¹².

Деятельность Архангельского общества краеведения по изучению традиционных промыслов Русского Севера

Высокая степень информативности материалов, собранных архангельскими краеведами, объясняется тем, что еще в предреволюционные годы изучение хозяйства Севера, его истории и современного состояния становятся одними из главных объектов внимания местного краеведческого сообщества, еще в 1908 г. сформировавшегося в Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС). В «Известиях АОИРС» постоянными были разделы, посвященные лесному делу, охоте, рыболовству и морским промыслам, сельскому хозяйству и огородничеству, где за время издания (1909–1919 гг., от 15 до 24 номеров в год) появилось более двухсот публикаций, часть которых были затем изданы в виде отдельных брошюр.

Другие северные краеведческие общества также выпускали свои периодические издания, но они имели более короткую историю, меньшее количество номеров, несколько иные приоритеты¹³. Так, по составленному в 1926 г. описанию архива

¹¹ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник / отв. сост. Л.В. Гундакова. Архангельск, 1997. С. 76–98.

¹² Устав Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1923. С. 1.

¹³ С 1913 по 1917 год ежегодно выходили по 8 выпусков «Известий Общества изучения Олонецкой губернии». В 1914–1917 гг. вышли в свет 4 номера «Известия ВОИСК»; в одной из рецензий на второй их выпуск отмечалось: «Ряд статей... имеет большое научное и практическое значение, но мало может заинтересовать широкую публику: это специальные статьи по местной флоре и горнозаводскому делу. Таковы очерки Н. Ильинского и Л.И. Молякова о вологодской траве «тимофеевке», В. Никуличева

ВОИСК можно обнаружить ключевые направления исследований вологодских краеведов: в нем отмечалось, что «по экономическому, народно-хозяйственному и сельскохозяйственному краеведению имеется 26 работ»¹⁴ (из приведенных в издании 203 рукописей, в основном посвященных фольклорно-этнографическим изысканиям).

АОИРС было распущено в 1920 г., когда на Севере вновь установилась советская власть, а задачи изучения экономики края были возложены на сформированный в том же году Научно-справочный отдел совнархоза Архангельской губернии. Вместе с тем деятельность АОИРС стала важным фактором, способствовавшим продолжению традиции краеведческой работы уже в советское время. Часть членов АОИРС вошли в состав созданного 13 мая 1923 г. Архангельского общества краеведения (АОК), председателем которого был избран глава Губисполкома и редактор губернской газеты «Волна» И.И. Боговой, а одним из самых активных участников стал переехавший в 1922 г. в Архангельск из Вологды экономист-кооператор А.А. Евдокимов.

Основные направления деятельности АОК были схожи с АОИРС, однако акценты были расставлены по-другому. На вопрос: «Является ли „Архангельское общество краеведения“ полным наследником всего достояния „Архангельского Общества изучения Русского Севера“ и продолжателем его деятельности?» председатель АОК дал отрицательный ответ. В отличие от «интеллигентского» и «внепартийного» досоветского краеведения вновь созданное Общество было охарактеризовано как «организация, безраздельно приемлющая диктатуру пролетариата, безраздельно поддерживающая и борющаяся за Советскую власть»¹⁵.

Соответственно и характер краеведческой работы подлежал изменениям в духе политики нового государства. Как отмечал А.А. Евдокимов, «новое советское краеведение с первых шагов решило, что оно выполняет государственную работу, что оно является одним из звеньев общей цепи государственных и общественных организаций»¹⁶.

Эти приоритеты во многом определили повестку I Губернского съезда членов Общества краеведения, состоявшегося 9–12 июля 1924 г. в Архангельске: из 20 докладов, заслушанных на съезде, 13 были посвящены экономическим проблемам Севера. Из секций, организованных в структуре АОК, именно экономическая секция, в фокусе внимания которой были «работы по плановому хозяйству, районирование, промыслы» всегда позиционировалась как главная, чья работа «не носила узко-академического характера, а была увязана с работой местных органов»¹⁷. Экономическая секция была и самой активной: только в 1925 г. с ее работой были связаны 11 из 24 публичных заседаний Общества.

Материалы Архангельского общества краеведения представляют собой уникальный источник, позволяющий изучить социально-экономические проблемы северного региона в межвоенный период. В их составе – записки и доклады ведущих

о причинах горимости лесов на севере и мерах борьбы с нею и Перова о свинцовых месторождениях в Вологодской губернии». В качестве примеров публикаций, которые «вызывают широкий интерес», приводились статьи по истории и этнографии. См.: Данилов В. Известия вологодского общества изучения Северного края. Выпуск II. 1915 // Исторический вестник. 1916. Т. CXLIII. С. 285.

¹⁴ Труды Вологодского общества изучения Северного края: научный архив Вологодского общества изучения Северного края и его научные ценности. Вологда, 1926. С. 16.

¹⁵ Год работы. Материалы Архангельского общества краеведения. 1923–1924 гг. Архангельск, 1924. С. 4.

¹⁶ Протокол Первого Губернского съезда членов Общества краеведения. 1-е заседание. 9 июля 1924 г. // Год работы. Материалы Архангельского общества краеведения. 1923–1924 гг. Архангельск, 1924. С. 28.

¹⁷ Там же.

исследователей и практиков того времени (А.А. Евдокимова, В.С. Гринера, И.П. Ануфриева и др.), чьи наблюдения охватывают широкий спектр вопросов – от рыболовства, зверобойного промысла и смолокурения до кустарных ремесел и художественных промыслов. Основные проблемы, выявленные участниками АОК, включали противоречия между традиционным и индустриальным природопользованием, соотношение и возможные направления развития сельского хозяйства и неземледельческих промыслов, а также проблемы технической модернизации и кооперирования северного хозяйства. Значимость этих материалов заключается в их многоаспектности и детальном отображении проблемного поля, что делает его ценным материалом для анализа переходного периода от традиционного уклада к индустриализации.

Традиционное жизнеобеспечение, хозяйственно-экономическая деятельность населения Русского Севера и попытки их модернизации в первой половине 1920-х гг.

К началу XX в. на Русском Севере сложилось своеобразное сочетание традиционных форм хозяйственной деятельности с элементами зарождающегося индустриального уклада. Для региона было характерно развитие неземледельческих промыслов, связанных с эксплуатацией лесных и водных ресурсов. Так, в Вологодской губернии в период с 1904 по 1909 гг. промыслы обеспечивали 42,1 % общего дохода семей; в Архангельской губернии накануне Первой мировой войны средний доход от промыслов составлял более 60 % от совокупного¹⁸. В «Обзорах Архангельской губернии» в качестве основных упоминаются лесная охота и отхожие лесные промыслы (смолокурение, рубка, вывоз и сплав древесины), промысел морского зверя, морское рыболовство¹⁹. Помимо этого, существовали такие местные промыслы, как судостроительный, жемчужный, косторезный.

Степень товарности промысловых хозяйств была довольно высокой; Север включался в систему всероссийского внутреннего рынка в качестве рыбо-зверопромысловой области²⁰. Так, значительная часть боровой дичи и пушнины в Печорском, Мезенском и других уездах предназначалась не для местного потребления, а шла на продажу в другие регионы России и за рубеж; среднедушевая ежегодная прибыль от этого промысла в те же годы составляла 13 руб. (в отдельные годы среднедушевая прибыль могла доходить до 25 руб.)²¹.

Вместе с тем практически во всех промыслах преобладали архаические орудия; отмечалось, что «в промысловых занятиях северного промышленника нет никакого прогресса, и он довольствуется опытом, унаследованным исстари по прочно укоренившейся веками традиции»²². Это обуславливало низкую производительность при тяжелых, а зачастую и опасных условиях промысла, и, кроме того, могло сопровождаться «варварским» отношением к природным ресурсам²³.

¹⁸ Костров Н.И., Никитин Н.П., Эмме А.А. Очерки организации крестьянского хозяйства: По материалам бюджетных исследований начала XX века: Труды. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Земплан / под ред. И.А. Теодоровича. М., 1926. Вып. IV. С. 5.

¹⁹ Приложения к ежегодным отчетам губернатора о состоянии Архангельской губернии, составлявшиеся губернским Статистическим комитетом.

²⁰ Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства... С. 90.

²¹ Обзоры Архангельской губернии, 1879–1914 гг.

²² Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. СПб., 1917. С. 26.

²³ В частности, в одном из отчетов АОК указано, что на островах Белого и Баренцева морей сбор яиц на птичьих базарах, добыча меха песца на Новой Земле «ведутся бесконтрольно и могут привести к разорению промыслов». См.: Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–32.

Процесс модернизации северного хозяйства шел медленно, сочетая сохранение устоявшихся традиций с внедрением отдельных технических и организационных новшеств. Например, в программу деятельности созданного 30 декабря 1894 г. Комитета для помощи поморам Русского Севера входило содействие поморскому судостроению, издание промысловых карт и руководств, улучшение способов лова рыбы и заготовления рыбных продуктов, снабжение ружьями для звериных промыслов, содействие развитию жемчужного и других водных промыслов²⁴.

В 1909 г. была начата работа по агрономической помощи населению Архангельской губернии: снабжение населения семенами, удобрениями и современными сельскохозяйственными орудиями и техникой; расширение посевных площадей за счет мелиорации болот; распространение травосеяния и огородничества, внедрение новых культур, в том числе сортового картофеля, развитие аграрного образования²⁵.

Важными направлениями модернизации также стали внедрение кооперации, помощь в создании артелей промысловиков. Тем не менее создание и деятельность промысловых артелей и в начале XX в. регулировалась в основном традициями, поскольку большинство этих артелей оставались «неуставными» (то есть организованными на основе устных или письменных договоров)²⁶.

Первая мировая война подчеркнула военно-стратегическое значение Русского Севера и Арктики. Блокировка морских путей в Балтийском и Черном морях привела к переносу основных коммуникаций России с союзниками в северные порты. Мобилизация, набор рабочих для военных нужд изымали значительные людские ресурсы из сельского хозяйства и других традиционных сфер экономики. Экономическую ситуацию в регионе ухудшили последствия Гражданской войны и интервенции: производство на многих лесозаводах остановилось, сократились лесная торговля и морское рыболовство; ощущалась серьезная, на грани голода, нехватка продовольствия.

Эти факторы оказали значительное влияние на социально-экономическую жизнь северных регионов, вызвав трансформации традиционного уклада жизни. Необходимость послевоенного восстановления экономики определила внимание новой власти и краеведческого сообщества к традиционным занятиям населения Севера, в которых виделся ресурс не только для выхода из продовольственного кризиса, но и для развития промышленности региона, поскольку сырье для нее в значительной части поставляли промысловики.

Обследования, проведенные экономической секцией АОК в первой половине 1920-х гг., выявили основные статьи доходов населения губернии: урожай; лесные заработки; отхожие лесные заработки на лесопильных заводах в Архангельской губернии; рыболовство и морские звериные промыслы; животноводство и переработка мясных и молочных продуктов. К второстепенным относились: кустарные промыслы, лесная охота, оленеводство, извоз, сбор грибов и ягод²⁷. Отмечались также промыслы на островах Белого и Баренцева морей, в их числе сбор яиц на птичьих базарах, добыча меха песца на Новой Земле²⁸.

²⁴ Краткий очерк деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера. 1894–1898. СПб, 1899. С. 18–20.

²⁵ Обзор Архангельской губернии за 1911 год: ежегодный отчет. Архангельск, [1912]. С. 4–28.

²⁶ Максимов В. Артели биржевые и трудовые с разъяснениями Правительствующего Сената и приложением: всех действующих узаконений, правил, образцовых уставов биржевых и трудовых артелей и устава общества для содействия артельному делу в России. М., 1907. С. VI.

²⁷ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–32.

²⁸ Там же. Л. 32.

В результатах обследований привлекает особое внимание изменение по сравнению с довоенным периодом соотношения между сельским хозяйством и промыслами: совокупные доходы от земледелия и животноводства оказались на первом месте, значительно превысив доходы от промыслов (таблица). Лишь в 4-х из 18-ми уездов Архангельской губернии (Онежском, Архангельском, Мезенском и Печорском) земледелие «не составляло для населения существенного занятия»²⁹. При этом произошло перераспределение доли отдельных промыслов в общем объеме промыслового хозяйства. Так, охота, которая «когда-то была коренным занятием местного населения... начала терять свое значение и приобрела подсобный характер»³⁰.

Статьи дохода сельского населения Архангельской губернии

Годы	Доля в совокупном доходе, %		
	Полеводство и животноводство	Доходы от леса	Доходы от промыслов
1910–1913	36,4	27,2	36,4
1919–1922	65	7	28

Источник: Таблица составлена на основе: Евдокимов А.А. Важнейшие статьи дохода сельского населения Архангельской губернии // Вестник Архангельской кооперации. 1922. № 3. С. 5; Ерофеичев И.П. Промыслы Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 10.

Income items of the rural population of the Arkhangelsk province

Years	Share of total income, %		
	Crop farming and animal husbandry	Forest revenues	Income from trades
1910–1913	36,4	27,2	36,4
1919–1922	65	7	28

Source: The table is based on: Evdokimov, A.A. "Vazhneishye stat'i dokhoda sel'skogo naseleniya Arkhangelskoi gubernii [The most important income items of the rural population of Arkhangelsk province]." *Vestnik Arkhangelskoy kooperatsii*, no. 3 (1922): 5; Erofeychev, I.P. *Promysly Arkhangelskoy gubernii* [Industries of Arkhangelsk province]. Arkhangelsk: Severnoe khoziaistvo Publ., 1925. P. 10.

Повсеместное сокращение доли промыслов было связано в том числе со снижением товарности промысловых хозяйств. При этом от экономического кризиса менее страдали те промыслы, которым был свойственен более «натурально-потребительский характер». В материалах проведенного в 1921 г. обследования промыслов отмечалось:

Чем в большей степени обслуживает промысел натуральные потребности хозяйства, тем лучше он хранился, а иногда даже усилился за последние годы. Очевидно, такое положение, наряду с разрушением инвентаря, обусловлено в значительной мере отсутствием мотивов для сбыта продуктов³¹.

В связи с этим в АОК разгорелась дискуссия о правомерности отнесения губернии к промысловым, а не к сельскохозяйственным. В январе 1925 г. на объединен-

²⁹ Евдокимов А.А. Краткий очерк по хозяйственному краеведению Северо-Восточной области // Север. 1923. № 1. С. 71.

³⁰ Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Восточной области на пять лет. Архангельск, 1925. Вып. 3: Перспективный план лесного хозяйства на 1924–1929 гг. С. 35.

³¹ Воленс Н.В. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края: (отчет рекогносцировочного экономического исследования за 1921 г.) // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. Вып. 21. М.; Л., 1924. С. 59.

ном заседании культурно-исторической и экономической секций И. Боговой представил доклад о состоянии сельского хозяйства в Архангельской губернии³². Его вывод о подсобной роли сельского хозяйства в крестьянском бюджете был оспорен несколькими участниками заседания. Заведующий Губстатбюро В.В. Пландовский указал, что

скотоводство и полеводство с одной стороны и промыслы с другой – равновеликие величины, даже первые два несколько больше³³.

Его поддержали агроном П.И. Грюнбаум и проводивший обследование крестьянских хозяйств А.А. Ельцов. Последний отметил, что

даже в типично лесозаготовительных районах полеводство и скотоводство дают 50–52 % всего дохода. Для южной части губернии оно безусловно является основой крестьянского бюджета³⁴.

Выход на первый план в начале 1920-х гг. земледелия и животноводства на Севере не случаен: они обеспечивали население продовольствием в условиях, когда, в отличие от дооцененных времен, «каждая область должна была рассчитывать на самоснабжение»³⁵. Более того, вопрос о характере хозяйства региона имел принципиальное значение, поскольку «от разрешения его в ту или иную сторону существенно зависит политика земуправления»³⁶ по поддержке определенных отраслей экономики региона. В этот период оформляется концепция интенсивного «колонизационного» освоения северных территорий советским государством, и такой аспект обсуждения был отзвуком более общей дискуссии о двух путях «колонизации» Севера. «Промышленная колонизация» основывалась на развитии транспортных коммуникаций (прежде всего железных дорог) с переводом северных территорий в исключительно промысловые и промышленные. Сторонники «сельскохозяйственной колонизации» (поддержаные экономистами-аграрниками, в том числе А.В. Чаяновым) выступали за развитие земледелия и на Севере, подчеркивая перспективы картофелеводства, льноводства, кормопроизводства и маслоделия как ключевых для устойчивого развития региона³⁷.

В начале 1920-х гг. создание собственно крупной промышленности было затруднительным из-за отсутствия необходимых капиталовложений. Поэтому в качестве главной задачи экспертно-краеведческое сообщество ставило «усовершенствование и развитие промыслов кустарного характера, кои составляют наряду с сельским хозяйством базу жизни этого края»³⁸, при этом магистральным направлением стало изучение и модернизация тех отраслей традиционного северного хозяйства, на основе которых возможно будет форсировать промышленное освоение Севера. В 1920-е гг. к ним были отнесены молочное животноводство, лесные и морские промыслы.

В период нэпа попытки развить переработку продукции животноводства, прежде всего, кооперативное масло- и сыроделие были способом модернизации тради-

³² ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 25 об. – 26.

³³ Там же. Л. 27.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ Евдокимов А.А. Краткий очерк по хозяйственному краеведению... С. 71.

³⁶ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.; Архангельское губернское земельное управление осуществляло руководство мероприятиями по организации сельского, лесного и рыбопромыслового хозяйства в губернии, подчинялось наркомату земледелия (ГААО. Ф. Р-105).

³⁷ Циркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения. Пг, 1919; Чаянов А.В. Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1918.

³⁸ Евдокимов А.А. Институт Промышленных Изысканий при Архангельском Обществе Краеведения. Архангельск, 1924. С. 49.

ционного крестьянского хозяйства Архангельской губернии, унаследованным от дореволюционного периода. Однако в отличие от более южной Вологодской губернии, из-за недостаточного количества молока и низкого его качества наладить производство в необходимых масштабах не удалось. Интересно в этом контексте письмо техника по молочному хозяйству Соловецкого совхоза (унаследовавшего от закрытого монастыря немалое поголовье скота) В. Соколова в Архангельский губземотдел:

...я в настоящее время поставлен мастером при Большой Муксольме³⁹, где и вырабатываю сыр голландский, а также масло. Молока после[дне] время 14 пудов, кроме того, есть расход молока как в совхоз, а также телятам, так что на сыр идёт молока не более 8–10 пудов. [...] На таком количестве молока мне совестно быть при Соловках, а поэтому прошу Губземотдел перевести меня весной из Соловков⁴⁰.

По мнению аграрников, в первой половине 1920-х гг. ключевыми проблемами традиционного землепользования на Севере являлись приверженность к выращиванию зерновых культур и трехпольной системе в зоне рискованного земледелия. Существенным недостатком этой системы в контексте новой политической и экономической ситуации были малые возможности для создания крестьянских кооперативов, в то время как подконтрольное государству развитие кооперации (в противовес «частникам») было одним из важных направлений нэпа. «При трехполье крестьянская кооперация всей пользы не окажет», – заявлял А.А. Евдокимов, призывая крестьян: «откажитесь от трехполя, организуйте в поле посев клевера и посадку картофеля» и предлагая излишки собранного картофеля «переработать на кооперативном заводе в картофельную муку»⁴¹.

Введение нэпа способствовало постепенному возрождению роли неземледельческих промыслов в природопользовании северных территорий. По мнению В.А. Саблина, с 1923 г. начала восстанавливаться «традиционная “система” отхода», прежде всего в лесных промыслах и морском рыболовстве; доля хозяйств с промыслами постепенно росла⁴². Этому способствовала и налоговая политика советского государства: поначалу промысловые и отхожие заработки не облагались сельскохозяйственным налогом.

Одним из самых продуктивных лесных промыслов, существенный рост которого наблюдался в 1920-е гг., стало смолокурение. Однако к середине 1920-х гг. выяснилось, что наращивание объемов производства без дальнейшей переработки смолы приведет к кризису отрасли. Спрос на смолу падал: «Ограничение деревянного зодчества и судостроения, применение суррогатов – каменноугольных смол ограничивают применение черной сосновой смолы»⁴³. Признавая большой потенциал лесохимической отрасли для развития региона, местные власти и краеведческое сообщество пытались стимулировать промысловиков к выработке продукции переработки смолы (дегтя, канифоли, терпентина).

Восстанавливались и беломорские рыбные промыслы: тресковый промысел по Мурманскому берегу, семужий по Терскому, сельдяной по Карельскому, наважий и тресковый по Поморскому; в Мезенском и Архангельском уездах – морской зверо-

³⁹ Большая Муксольма (прав. Большая Муксалма) – один из островов архипелага Соловецкие острова.

⁴⁰ ГААО. Ф. Р-105. Оп. 3. Л. 22.

⁴¹ Евдокимов А.А. Пожелания крестьянской кооперации Архангельской губернии на 1923 год. Архангельск, [1923]. С. 2–3.

⁴² Саблин В.А. Промыслы и их роль... С. 262.

⁴³ Евдокимов А.А. Лесохимические промыслы на Севере. Архангельск, 1927. С. 19.

бойный промысел гренландского тюленя⁴⁴. При этом результаты проведенных АОК обследований выявляли «достаточно печальное» состояние водных угодий. Многие тони⁴⁵ были заброшены или находились в разрухе, орудия лова не обновлялись:

Изношенность рыбопромыслового вооружения по губернии весьма сильная. Перебой в снабжении промыслового населения сетями и материалами для вязания новых сетей и ремонта старых, имевший место в последние годы гражданской войны, привел большую долю сетного вооружения в непригодное состояние⁴⁶.

Низкая товарность неземледельческих промыслов, сохранение «архаических» технологий и форм промысловой деятельности (в частности, отходничества) вызывали серьезную тревогу у экспертного сообщества по нескольким причинам. Во-первых, основанная на «типичном кустарничестве с чертами крестьянского хозяйства» лесная и рыбная отрасли «давали весьма скромные результаты» по производству и экспорту продукции; во-вторых, неэффективно организованные промыслы «опустошали природные богатства края»; в-третьих, отходничество, «не дававшее здоровых оснований для хозяйственного устроения трудового населения»⁴⁷ виделось как источник социальных проблем.

Важное место среди обоснований необходимости перехода к масштабному промышленному освоению занимали геополитические соображения. Традиционные способы лова и переработки рыбы, характеризовавшиеся низкими продуктивностью и качеством, усугубляли опасность со стороны британских траулеров, занимавшихся хищническим выловом рыбы в северных морях, и норвежских концессионеров, добывавших тюленя в масштабах, угрожавших истреблением зверя⁴⁸:

Захват Шпицбергена, недопущение высадки северной экспедиции ВСНХ в 21 году, прибывшей к Медвежьему острову и нашедшей здесь спешные разработки иностранцами каменноугольных залежей при электрическом освещении, лов у северных берегов иностранными тральщиками трески, хищническое истребление морского зверя... – все это указывает на уже начавшийся экономический захват Севера. Единственный путь противодействия – извлечение собственными силами всех выгод естественных богатств края, которые так нужны для восстановления хозяйственного организма нашей республики⁴⁹.

В 1924 г. для решения этих задач при Архангельском обществе краеведения был создан Институт промышленных изысканий, в 1926 г. выведенный из ведения АОК и реорганизованный в самостоятельное научно-исследовательское учреждение в структуре Губисполкома. В докладе комиссии Рабоче-крестьянской инспекции о результатах обследования института в 1926 г. отмечалось:

В задачи ИПИ входит продвижение и включение в систему экономических ресурсов Севера ряда возможных здесь промыслов, которые или до сих пор совершенно не известны населению, или велись в свое время, но почему-то либо оставлены, или же ведутся крестьянами и ныне, но, за отсутствием научной и технической помощи, находятся в примитивном состоянии⁵⁰.

⁴⁴ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2. Д. 86. Л. 1 об.

⁴⁵ Поморское название рыболовного участка на берегах Белого моря.

⁴⁶ Ерофеичев И.П. Промыслы Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 16.

⁴⁷ Чиркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения... С. 6.

⁴⁸ В 1924 г. на долю норвежского промысла пришлось 200 000 голов тюленя, что составило 75 % от общего объема добычи. См.: Чиркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения... С. 25.

⁴⁹ Арнольдов А. Вторые Дарданеллы: Мурманский выход в Европу. Пг., 1922. С. 5.

⁵⁰ Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Для реализации этих планов предусматривались шаги по усилению коллективного характера кустарных промыслов, кредитование в целях обновления материально-технической базы и расширения промысловой деятельности (в первую очередь в рыболовстве и охоте), соединению кустарного и промышленного производства в форме внедрения обрабатывающих предприятий, обеспечения устойчивого сбыта продукции промыслов через государственные и кооперативные структуры, попытки приобщения крестьян к новым видам деятельности. Предполагалось «воссоздание и поддержание на местах художественных и других более мелких и менее характерных для губернии» промыслов, поскольку «резьба по кости, инкрустация меха, меховые вещи, ковры – находят сбыт почти наравне с вологодскими кружевами»⁵¹.

Особо следует отметить попытку внедрения нового промысла – йодно-водорослевого (заготовки водорослей и пережигания их для получения йодсодержащей золы). В 1924 г. на заседании экономической секции АОК по итогам доклада председателя Правления Товарищества беломорских водорослей В.К. Низовкина о развитии йодной промышленности был поставлен вопрос: «Может ли население Ледовитого побережья добывать себе средства к жизни заготовкой водорослей по добыванию йода?». В числе аргументов в пользу перспективности развития йодно-водорослевого артельного промысла указывались обилие сырья – штормовых выбросов водорослей на побережье Белого моря, а также простота их пережигания⁵².

Особое место занимала организация научной, технической и педагогической работы: сравнительное изучение опыта промысловой деятельности в губернии, других регионах России и соседних странах (в частности, Норвегии); производство опытных и разведочных работ (например, опытное подсечно-шпальное хозяйство около станции Обозерская; добывание солей стронция из целестина в Пинежском уезде); проведение учебных курсов (например, маслодельно-сыроваренных); выпуск научно-популярной литературы; устройство учебно-показательных установок (по сажекопчению и дегтекурению)⁵³.

Важно отметить, что несмотря на скептическое отношение к «архаическим» формам хозяйственной деятельности, участники краеведческого движения подчеркивали необходимость учитывать адаптационные возможности местного населения:

Изучая экономику промыслов, не надо держать в тени человека, как творца и служителя этой экономики. Способности, навыки, характеры местного населения должны выдвигаться в достаточной мере в собираемых материалах⁵⁴.

Так, предполагалось, что поднять производительность морского рыболовства можно без отказа от артельной организации промысла и традиций поморского судостроения, увеличив состав артелей и заменив парусный флот парусно-моторным. Отношение исследователей-краеведов к распространению тралового лова было неоднозначным, поскольку уже тогда очевидны были его негативные последствия как для экосистемы северных морей, так и для поморов-промысловиков. Краеведческое общество также выступало в защиту интересов отечественных промысловиков от иностранной конкуренции. В частности, экономическая секция АОК выдвинула

⁵¹ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 9 об.

⁵² Там же. Д. 12. Л. 34–35. Однако заинтересовать крестьян золозаготовками не удалось, и в итоге на заготовку водорослей были направлены в 1930-е гг. на Север спецпереселенцы.

⁵³ Евдокимов А. Институт Промышленных Изысканий при Архангельском Обществе Краеведения. Архангельск, 1924. С. 49.

⁵⁴ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 48.

предложение ввести понятие промысловой зоны и запретить британским судам ловить рыбу тралом⁵⁵.

Судьба традиционного природопользования Русского Севера в условиях перехода к форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.)

В годы первой пятилетки начался форсированный переход к плановому промышленному природопользованию:

Новая техника, новые требования <...> создание постоянных кадров рабочих, организация труда и применение социалистических форм труда – вот что противопоставлено дедовским обычаям⁵⁶.

В середине 1920-х гг. вопросы изучения, охраны и использования морских ресурсов Арктики привлекают все большее внимание центральных научных организаций и правительственные учреждений. На состоявшейся в июне 1925 г. в Архангельске Первой областной конференции по изучению производительных сил Северо-Восточной области в отдельную группу были выделены вопросы, связанные с изучением северных морей и состоянием рыбо-звериных промыслов. Особое внимание стоит обратить на следующий вывод, определивший судьбу традиционного рыбного морского промысла:

Экономическое истощение рыбакских масс, износ орудий промысла, отсталость технических приемов промысла и обработки, наличие свободных рук вследствие сокращения парусного флота, занимавшегося до революции импортом морской рыбы, потребность страны в продукции промыслов, неурегулированность вопросов водопользования и пр., и пр., все это обязывает встать на путь планомерных и систематических мероприятий к восстановлению, реконструкции и дальнейшему развитию этих промыслов⁵⁷.

Намеченные цели – развитие рыбопромышленности, сокращение импорта (при допущении ввоза «предметов технического оборудования» как временной меры) – задали направления трансформации морских промыслов. Предполагались техническая модернизация, внедрение современных способов лова и обработки рыбы, продолжение научных исследований по изучению биологии и миграции промысловых рыб и морских животных⁵⁸. Одной из главных мер было признано строительство собственного тралового флота и «неуклонное расширение тралового промысла».

Под лозунгом превращения «отсталого Севера» в «могучий индустриальный район Советского Союза» в 1929 году была проведена первая Северная краевая конференция ВКП(б)⁵⁹. Приоритетами в экономике региона признавались лесная промышленность и экспорт древесины:

Механическая и химическая переработка добываемой на лесных площадях древесины составляет основную промышленность Северного края и находится в центре тех задач, которые дает Северному краю государственная пятилетка⁶⁰.

⁵⁵ Год работы... С. 12–13.

⁵⁶ Синельников С.М. Северный край: экономико-географический очерк. Архангельск, 1936. С. 76.

⁵⁷ П.М. Итоги Первой областной конференции по изучению производительных сил Северо-Восточной области // Северное хозяйство. 1925. № 7–8. С. 87.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ГААО. Ф. П-290. Оп. 1. Д. 4. Л. 322. Северный край был образован по постановлению ВЦИК от 14 января 1929 г. В его состав вошли Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская губернии и автономная область Коми.

⁶⁰ Евдокимов А.А. Лесная охота и государственная пятилетка в Северном kraе. Архангельск, 1930.

Как отмечалось выше, важным аспектом модернизации традиционных промыслов было продвижение кооперации промысловиков, активизировавшейся в советский период. В результате к началу 1932 г. в Северном крае только в лесохимической отрасли работали 45 000 кооперированных промысловиков, объединенных в более 300 артелей⁶¹. На начальном этапе нэпа предполагалось, что промысловые кооперативы могут обладать достаточной автономностью. Так, на заседаниях АОК поднимался вопрос о том, что «кустарям нужно дать больше самостоятельности, нельзя руководить ими из центра»⁶².

В последующие годы шел процесс централизации руководства кооперацией. Так, лесопромысловые артели были объединены в несколько специализированных и районированных союзов под руководством краевого союза, который ведал «всей кустарной кооперативной лесохимией края»⁶³. В конце 1920-х гг. Северный союз промысловой кооперации выступил с идеей создания единой организации – подобия треста, который занимался бы вопросами снабжения и сбыта продукции всех промыслов, поскольку на Севере «в большинстве своем рыбак, зверобой, охотник и оленевод есть одно лицо – промышленник»⁶⁴. Для координации работы кооперативов предполагалось открыть отделения Союза в Мурманске, Сороке, на Печоре и др. местах. Координационным центром Союза должен был стать Архангельск, несмотря на его удаленность от мест большинства промыслов⁶⁵.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. происходит переход от кооперирования к коллективизации промыслового хозяйства. В районах с преобладанием промысловой деятельности создавались промколхозы, коллективизировавшие и промыслы, и сельское хозяйство⁶⁶, начался процесс обобществления производства; часть промысловиков подверглись раскулачиванию: только в 1929–1930 гг. из кустарно-промышленных артелей было «вычищено 1150 кулаков»⁶⁷.

В 1928/29 г. на местах были созданы леспромхозы, вытеснившие прежние артели промысловиков; в морских промыслах бытовые артели, состоявшие из 3–4 чел., заменились рыболовецкими колхозами; к концу первой пятилетки было коллективизировано 60 % крестьянских хозяйств, произведено укрупнение мелких колхозов. В ставшей побочным промыслом лесной охоте распадались семейные охотхозяйства⁶⁸. Традиционные орудия промыслов, также характеризовавшиеся как «дедовские» и «отжившие», подлежали замене на новую технику. Так, получил распространение новый вид добычи морского зверя, имевший промышленный характер, – судовой, с применением судов ледокольного типа. Все зверобойное дело было передано под управление Северного морского пути⁶⁹.

Постепенно сводилась на нет и роль краеведческого экспертного сообщества в обсуждении путей экономического развития региона. На основании постановления СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», признавшего «далнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным»⁷⁰, 1 августа 1937 г. Архангельское краеведческое общество было ликвидировано.

⁶¹ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 23–24.

⁶² ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁶³ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 23–24.

⁶⁴ Там же. Д. 86. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Л. 44.

⁶⁷ Там же. Л. 43.

⁶⁸ Евдокимов А.А. Лесная охота и государственная пятилетка... С. 23.

⁶⁹ Там же. С. 93–103.

⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1937 г. № 1–14. М., 1937. С. 74.

Происходившие изменения, малосовместимые с традиционными формами хозяйственной деятельности, знаменовали конец экономической самодеятельности и самобытности земледельческо-промышленного населения Русского Севера.

Заключение

Таким образом, в первые десятилетия XX в. для населения Русского Севера было характерно сочетание преобладающего традиционного и элементов зарождающегося индустриального укладов, при этом важную роль в системе природопользования играли лесные и водные промыслы. Первые шаги по их изучению и модернизации предпринимались еще в досоветский период. Однако серьезной трансформации традиционный уклад подвергся в первые десятилетия существования советской власти в контексте радикальных политических и социально-экономических преобразований.

В 1920-е гг. краеведческое сообщество Русского Севера играло важную роль в формировании концепций развития региона, выступая центром научной экспертизы и дискуссий о характере и перспективах северного хозяйства. Ключевыми вопросами стали определение приоритетного пути освоения северных территорий, разработка мер по поддержке и развитию экономики региона. В 1920-е гг. эти мероприятия сопровождались детальным изучением исторически сложившихся форм природопользования, отношение к которым было противоречивым. С одной стороны, традиционные формы хозяйственной деятельности небезосновательно воспринимались как проявления отсталости, не только мало совместимые с социалистической экономикой, но и низкоэффективные, а порой и наносящие ущерб природе. С другой стороны, в условиях нэпа они рассматривались как ресурс для восстановления хозяйства и в дальнейшем развития на их основе промышленного производства. В 1920-е гг. ключевыми направлениями модернизации традиционного природопользования виделись техническое и технологическое переоснащение промыслов, земледелия и животноводства, внедрение новых инструментов и методов обработки ресурсов, поддержка промысловых артелей. Важная роль в трансформации традиционных промыслов отводилась кооперированию промысловиков, вовлечению кооперативов во взаимодействие с трестами.

Переход от нэпа к политике индустриализации, ориентированный на огосударствление экономики и централизацию управления, означал отказ от постепенной модернизации традиционных способов хозяйствования и сбалансированного развития промышленности, промыслов и сельского хозяйства региона. Возможности участия краеведческого экспертного сообщества в экономическом развитии региона постепенно снижались, что завершилось ликвидацией Архангельского общества краеведения. Переход к плановому промышленному освоению региона и коллективизация, затронувшая в том числе и промысловое хозяйство, привели в итоге к угасанию традиционного природопользования Русского Севера как системы, основанной на единстве хозяйственной деятельности и жизни локального сообщества, вызвав к жизни новые, адаптивные формы хозяйственно-экономической деятельности и жизнеобеспечения.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2025

References

- Arnoldov, A. *Vtorye Dardanelly: Murmanskii vykhod v Evropu* [The Second Dardanelles: Murmansk Exit to Europe]. Petrograd: Gosudarstvennyi trest «Petropechat» Publ., 1922 (in Russian).
- Beloborodova, I.N., and Shurupova, E.E. “Izuchenie traditsii prirodopol’zovaniia dlja realizatsii programmy sovremennoogo ustoichivogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii [Study of nature management traditions for the implementation of the program of modern sustainable development of the Russian Federation].” In *Aktual’nye problemy ekologicheskogo obrazovaniia i okhrany okruzhaiushchei sredy. Tezisy dokladov II mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 88–89. Arkhangelsk: Elpa Publ., 1998 (in Russian).
- Beloborodova, I.N. “Public initiatives for modernization of the fishing and hunting management system in the European North of Russia (to the Problem of the Civil Society Formation in the Late 19th – Early 20th Century).” *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Science*, no. 2 (2013): 11–21 (in Russian).
- Bernshtam, T.A. *Pomory: Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Formation of the group and the economic system]. Leningrad: Nauka–Leningradskoe otdelenie Publ., 1978 (in Russian).
- Chayanov, A.V. *Organizatsiya severnogo krest’janskogo khozyaistva* [Organization of the northern peasant economy]. Yaroslavl: Izdanie Iaroslavskogo kreditnogo soiuza kooperativov Publ., 1918 (in Russian).
- Chirkin, G.F. *Kolonizatsiya Severa i puti soobshcheniya* [Colonization of the North and Communication Routes]. Petrograd: Tipo-litografia Komissariata Severo-Zapadnogo okruga putei soobshcheniya Publ., 1919 (in Russian).
- Danishevsky, I.I. *Polozhenie smolokurenogo promysla v Rossii, ego znachenie i nuzhdy severnogo smolokurenija* [The position of the tar industry in Russia, its importance and the needs of northern tar production]. St. Petersburg: Gubernskaia tipografia Publ., 1913 (in Russian).
- Danileiko, V.A. “Scientific organizations in 1920–1930s and their role in ethnographic study of the north of Siberia.” *Tomsk State University Journal. History*, no. 2 (2013): 166–169 (in Russian).
- Dolinin, V.M. “Promysly sel’skogo i gorodskogo naseleniya Vologodskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Trades of the rural and urban population of the Vologda province in the late 19th – early 20th centuries].” *Istoriia SSSR*, no. 2 (1985): 53–162 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. “Kratkii ocherk po khozyaistvennomu kraevedeniiu Severo-Vostochnoi oblasti [Brief Essay on Economic Local History of the North-Eastern region].” *Sever*, no. 1 (1923): 65–93 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Pozhelaniia krest’ianskoi kooperatsii Arkhangel’skoi gubernii na 1923 god* [Wishes of the peasant cooperatives of the Arkhangelsk province for 1923]. Arkhangelsk: Tipografia Gubsoiuza Publ., 1923 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Institut promyshlennykh issledovanii pri Arkhangel’skom obshchestve kraevedeniia* [Institute of Industrial Research at the Arkhangelsk Society of Local History]. Arkhangelsk: [N.s.], 1924 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Lesokhimicheskie promysly na Severe* [Forest chemical industries in the North]. Arkhangelsk: [N.s.], 1927 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Lesnaia okhota i gosudarstvennaia piatiletka v Severnom krae* [Forest hunting and the state five-year plan in the Northern region]. Arkhangelsk: AOK Publ., 1930 (in Russian).
- Erofeychev, I.P. *Promysly Arkhangel’skoi gubernii* [Fisherries of the Arkhangelsk province]. Arkhangelsk: zhurnal “Severnoe khozyaistvo” Publ., 1925 (in Russian).
- Efimenko, A.Ya. *Arteli Arkhangel’skoi gubernii* [Artels of the Arkhangelsk province]. St. Petersburg: [N.s.], 1873.
- Gemp, K.P. *Skaz o Belomor’ye* [Tale of the White Sea]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1983 (in Russian).
- Kozlova, S.A. “Traditional Use of Natural Resources of Local Old Believer (Semeiski) communities of Transbaikalia in the 18th—20th Centuries: Theoretical and Methodological Basis of the Study.” *Scientific Dialogue*, no. 9 (2020): 373–390 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-373-390>
- Kolesnikov, P.A. “Promyslovo-remesleniia deiatel’nost’ severnogo krest’yanstva v XVIII v. [Industrial and craft activities of the northern peasantry in the 18th century].” In *Promyshlennost’ i torgovlya v Rossii XVII–XVIII vv.*, 138–153. Moscow: Nauka Publ., 1983 (in Russian).

- Klokov, S.B. "Traditional nature management of indigenous peoples of the North: Geographical and socio-ecological problems." Doc. diss., Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 1998 (in Russian).
- Korotaev, V.I. "Russian North in the late 19th – first third of the 20th century: Catch-up modernization and social ecology." Doc. diss., Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 2000 (in Russian).
- Kostrov, N.I., Nikitin, N.P., and Emme, A.A. *Ocherki organizatsii krest'ianskogo khoziaistva: Po materialam biudzhetnykh issledovanii nachala XX veka. RSFSR. Narodnyy komissariat zemledeliia. Zemplan* [Essays on the organization of peasant farming: Based on materials from budget studies of the early twentieth century. RSFSR. People's Commissariat of Agriculture. Land plan]. Moscow: Novaia derevnya Publ., 1926 (in Russian).
- Krasovskaya, T.M. *Prirodopol'zovanie Severa Rossii* [Nature management in the Russian North]. Moscow: LKI Publ., 2008 (in Russian).
- Krestinin, V.V. *Istoricheskii opyt o sel'skom starinnom domostroitel'stve dvinskogo naroda v Severe* [Historical experience on rural ancient house-building of the Dvina people in the North]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1785 (in Russian).
- Maksimov, V. *Arteli birzhevye i trudovye s raz'iasneniami Pravitel'stvuiushchego Senata i prilozheniem: vsekh deistvuiushchikh uzakonenii, pravil, obraztsovykh ustavov birzhevyykh i trudovykh artelei i ustava obshchestva dlia sodestviia artel'nomu delu v Rossii* [Exchange and labor artels with explanations of the Governing Senate and an appendix: all current laws, rules, model charters of exchange and labor artels and the charter of the society for promoting artel business in Russia]. Moscow: Knizhnyi magazin I.K. Golubeva Publ.; "Pravovedenie" Publ., 1907 (in Russian).
- Pika, A.I. "Neotraditionalism in the Russian North: moving into the future without forgetting the past." *Sociological studies*, no. 11 (1996): 47–53 (in Russian).
- Sablin, V.A. "Promysly i ikh rol' v krest'yanskem khozyaistve Evropeiskogo Severa v 1910-e – 1920-e gody" [Crafts and their role in the peasant economy of the European North in the 1910s – 1920s]." In *Russkaia kul'tura novogo stoletiia: Problemy izucheniiia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo naslediia*, 258–267. Vologda: Knizhnoe nasledie Publ., 2007 (in Russian).
- Shubin, S.I., and Perebinos, Yu.A. "The European North of Russia: Revisiting the Vologda Alternative to the Development of the Region at the Turn of the 1930s." *Tomsk State University Journal*, no. 452 (2020): 173–180 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/452/21>
- Sinelnikov, S.M. *Severnyi krai: ekonomiko-geograficheskii ocherk* [Northern Territory: Economic and Geographical Essay]. Arkhangelsk: Severnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1936 (in Russian).
- Smirnova, M.A. "Influence of local history movement on the development of the Russian North in the years 1917–1937." *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences*, no. 4 (2011): 20–25 (in Russian).
- Spade, K.Yu. *Severnye rybnye promysly i neotlozhnye mery k ikh razvitiyu* [Northern fisheries and urgent measures for their development]. Arkhangelsk: Gubernskaia tipografia Publ., 1911 (in Russian).
- Zhilinsky A.A. *Morskie promysly Belogo moria i Ledovitogo okeana* [Marine industries of the White Sea and the Arctic Ocean]. St. Petersburg: tipografia tovarishchestva A.F. Marks Publ., 1917 (in Russian).
- Zhukova, E.V. "The right to traditional nature management of indigenous peoples as an object of legal regulation." *Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 5 (2010): 153–163 (in Russian).
- Volens, N.V. "Promysly i sel'skoe khoziaistvo Pechorskogo kraia: (otchet rekognostirovchnogo ekonomiceskogo issledovaniia za 1921 g.)" [Industries and agriculture of the Pechora region: (report of the reconnaissance economic study for 1921)]." In *Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii*, 47–67. Moscow; Leningrad: N.Kh.T.I. Publ., 1924 (in Russian).
- Vyachysty, D.D., and Shevtsov, V.V. "Tomsk bureau of the society for the study of Siberia and its productive forces in the context of the regulation of local history activities in the region (1927–1928)." *Tomsk State University Journal of History*, no. 85 (2023): 13–19 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/85/2>

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Павловна Тетеревлева, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17; t.teterevleva@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0290-9480>; SPIN-код: 1350-5297.

Елена Евгеньевна Шурупова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Соловецкого архипелага, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник; Россия, 164070, Архангельская область, Приморский район, пос. Соловецкий; shurupova_el@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2842-7439>; SPIN-код: 5739-6070.

Tatyana Pavlovna Teterevleva, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17, Northern Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia; t.teterevleva@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0290-9480>; SPIN-code: 1350-5297.

Elena Evgenievna Shurupova, PhD in History, Researcher of the Department of History of the Solovetsky Archipelago, State Museum-reserve «Solovky; Solovetsky settlement, Primorsky district, Arkhangelsk region, 164070, Russia; shurupova_el@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2842-7439>; SPIN-code: 5739-6070.